

«НАМ УДАЛОСЬ ЗАПУСТИТЬ РЯД ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ СЕКТОРОВ»

ПОМОЩНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ АНДРЕЙ БЕЛОУСОВ ПОДВЕЛ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ И РАССКАЗАЛ О ПЕРСПЕКТИВАХ НТИ НА ФОНЕ ЗАПУСКА НАЦПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА». ИНТЕРВЬЮ ВЗЯЛ ДМИТРИЙ БУТРИН

„REVIEW“: Что с 2011 по 2017 год, с вашей точки зрения, в инновационном развитии страны получилось успешным? То, что не получилось, в любом случае будет обсуждаться, тогда как в российском обществе редко фиксируется то, что получилось.

АНДРЕЙ БЕЛОУСОВ: Если говорить, о том, что действительно удалось сделать за эти годы, — удалось запустить или перезапустить ряд технологически активных секторов. Безусловно, это касается прежде всего оборонно-промышленного комплекса, это касается «Росатома», это касается авиационной отрасли, прежде всего «Вертолетов России», как, впрочем, и ОАК. В стране действительно появился сектор высоких технологий.

Второе — это то, что начало получаться, хотя пока тренды неустойчивы, но в России появилось значимое количество технологических стартапов. Молодежь начала пробовать себя в области технологического предпринимательства, — и это коррелирует с ростом поступлений в инженерные вузы. Когда мой сын семь лет назад поступал в Бауманку, конкурс был небольшим. Когда он оканчивал, мы все радовались, что он не сейчас поступает. Это, наверное, вторая история.

Ну и третье: технологическое развитие теперь находится в фокусе общественного дискурса. 15 лет назад о технологиях в России вообще никто не говорил. Я помню, с каким трудом, когда я еще начинал работать с премьер-министром Михаилом Фрадковым, нам удавалось вести такое обсуждение и в структурах власти, и в общественном поле — почти безуспешно! Сейчас же о технологиях не говорит только ленивый, технологическое развитие в фокусе внимания самых разных социальных групп — и элитных групп тоже.

Вот это, наверное, три основных плюса.

Теперь — что не удалось. Есть формальная сторона дела: у нас очень низок уровень инновационной активности. Более того, если брать статистические замеры (правда, оговорюсь, их качество оставляет желать лучшего) — он даже снижается. Уровень инновационной активности в России в 2017 году был ниже, чем в 2012 году, хотя и тогда он оставался очень низким. Доля инновационно активных предприятий в технологической сфере составлял порядка 9%, сейчас он упал до 7–8%. По аналогичным замерам в странах Европы более или менее стандартный уровень — 30–40%. Я, откровенно говоря, думаю, что для России уровень занижен примерно вдвое, но даже уровень 15–20% все равно очень низок. В указе президента, как известно, поставлена задача к 2024 году выйти на

уровень 50% — и это вполне достижимая цель. При этом, и хочу подчеркнуть это, объемы затрат на технологические инновации компаний выросли с 2012 по 2017 год примерно вдвое — с 700 млрд руб. до 1,4 трлн руб.

„R“: Сокращение инновационной активности при росте инвестиций в R&D вдвое — так не бывает.

А.Б.: Это как раз говорит о качестве нашей статистики — так не бывает, но у нас есть. О картине в целом: пока не удалось добиться перелома в инновационном развитии, не удалось создать массовую систему поддержки технологических инноваций и, самое главное, превращения технологических инноваций в экономический ресурс. То есть нет ситуации, в которой вложения в новые технологии являются экономически оправданными, поскольку они производят добавленную стоимость и увеличивают капитализацию компании.

Первая причина — отсутствие системы. Вторая причина: не до конца обустроена нормативная база всего инновационного цикла. Речь идет о защите прав интеллектуальной собственности, о результатах интеллектуальной деятельности, об обороте прав на них. То, что в развитых странах мира составляет значительную часть ВВП, у нас — несколько процентов.

Все это, собственно, задачи, которые предстоит решить в ближайшую шестилетку.

„R“: Есть ощущение, что в 2011–2012 годах общественные ожидания от технологической сферы были завышены и сейчас общество в большей степени склонно рассуждать о том, что все в этой сфере очень плохо. Разделяете ли вы его?

А.Б.: Нельзя опираться на ощущения в такого рода суждениях. Почему я с вами не соглашусь: для меня индикатором отношения общества к технологиям и технологическим инновациям является поведение молодежи. Мы наблюдаем в последние годы, что молодежь все больше и больше идет в технологически продвинутые сферы. Это касается и подростков: речь идет об успехах WorldSkills, об успехе «Кванториумов». Это касается высшего образования, это касается количества технологи-

ческих стартапов — это все показатели того, что молодежь последние несколько лет двинулась в область высоких технологий. Очень важно эту волну поддержать, подхватить. Я считаю, что сегодня это основная задача государственной власти наряду с технологическим импортозамещением и превращением технологического импортозамещения в технологический экспорт.

„R“: Критика инфраструктуры инновационного развития с 2012 году была связана в основном с дизайном государственных институтов в этой сфере. Понятно, что они — удачные или неудачные — есть, и их невозможно и рискованно быстро перестраивать, поскольку они работают. Тем не менее в среднесрочной перспективе что из нынешних институтов инновационного развития, с вашей точки зрения, останется, что уйдет, а что надо было бы поменять, но невозможно сделать быстро?

А.Б.: Я скажу так, что роль государственных институтов в той области, о которой мы говорим, трояка.

Первое — это, безусловно, системное видение развития. Точнее, интеграция этого системного видения в госуправление. Это очень важная функция, поскольку в сфере технологий происходит очень быстрые изменения и кто-то должен эти изменения отслеживать, воспринимать и транслировать в ключевые элитные группы: бизнес, директорский корпус. В СССР эта функция была достаточно развита, сегодня в России она практически отсутствует. Пока мы пытаемся здесь нащупать способы работы — на базе вузов, в рамках в том числе НТИ.

Вторая функция госинститутов в этой сфере — регуляторика. Здесь ситуация еще более сложная. У всех, кто работает в этой сфере, насколько я могу судить, общее мнение: регулировать технологическое развитие необходимо. Это не должно выглядеть как Клондайк, где прав тот, у кого в руке кольт. Мнение предпринимателей: они не за регулируемый рынок технологий, он им не нужен. А какой нужен, что, собственно, регулировать? И вот здесь проблема: точно этого никто не знает. Непонятно и в рамках НТИ, и в рамках программы цифровой экономики специально выделены блоки

и организована работа по совершенствованию, или, если точнее говорить, созданию, новой регуляторики, которая бы опережала запросы технологических предпринимателей в данной области.

И третья функция — финансовая поддержка. Здесь есть позитивные примеры, но они все скорее лежат в области посевного финансирования. Я имею в виду в первую очередь Фонд Бортника и другие структуры, которые выдают гранты на развитие технологических проектов. Там хороший результат, там есть очевидные достижения. Но практически нет венчурного финансирования, практически нет механизмов акселерации компаний.

Наконец, нет или почти нет институтов работы с крупными проектами. В основном все сводят до сих пор к бюджетному финансированию таких проектов. Известно, что в нашей стране в сфере разработок соотношение бюджетного финансирования и частного — два к одному. В это же время в мире обратное соотношение: на рубль (доллар, евро — не важно) бюджетных денег приходится два рубля частных. Для России эта пропорция очень устойчива, она сохраняется уже много лет, благодаря этому мы никак не можем вырваться за пределы нынешних показателей общих расходов в экономике на R&D. Всякий раз ставится задача — увеличить долю расходов на исследования и разработки в ВВП. Она как была около 1%, так и остается. Почему? Бюджет не может все вытянуть, а частных вложений в R&D пока крайне недостаточно.

Для увеличения этого показателя нужны институты. Нельзя ожидать, что мы одним скачком перепрыгнем от бюджетного финансирования к частному, но можем и должны создавать промежуточные формы: государственные институты, финансовые институты, которые делят риски с частными предпринимателями в этих областях.

„R“: Вы много лет занимаетесь проектами Национальной технологической инициативы (НТИ). Проекту уже много лет, что яркого и важного там происходит?

А.Б.: Если вы ищете яркость в отчетах, которые пишут чиновники вроде меня, — там яркости никогда не найдете. Язык, на котором это все пишется, предназначен для того, чтобы все выглядело блекло и однотонно. Но если вы, например, зайдете на экспозицию результатов НТИ на выставках, уверяю, вы будете поражены палитрой красок и богатством впечатлений. То, что сделано в НТИ в рамках отдельных уже реализованных проектов, — это очень много. От медицинских технологий, экзоскелетов до наработок НТИ в области «Автонета» и дронов. Большинство российских гражданских дронов начинались как разработки НТИ — это сейчас стало общим местом. Это касается и нейросетей, и медицинских технологий. Если говорить в целом, в рамках восьми «дорожных карт» — на этот момент в проработке порядка 450 проектов, включая проекты Фонда содействия инновациям, из них около 10% реализуются.

Никогда не гнались за количеством проектов. Очень важно было качество. Но основной результат — это формирование сообщества. Сегодня сотни тысяч людей втянуты в эти процессы, прямо или косвенно, в образовательных учреждениях, в науке, в предпринимательстве — это именно сообщество. Оно все в базах, мы с ним активно работаем, и это очень важная история. Можно сказать, что удалось разрыхлить почву продвижением первых проектов.

НИКОГДА НЕ ГНАЛИСЬ ЗА КОЛИЧЕСТВОМ ПРОЕКТОВ. ОЧЕНЬ ВАЖНО БЫЛО КАЧЕСТВО. НО ОСНОВНОЙ РЕЗУЛЬТАТ — ЭТО ФОРМИРОВАНИЕ СООБЩЕСТВА. СЕГОДНЯ СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ ВТЯНУТЫ В ЭТИ ПРОЦЕССЫ, ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО, В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ, В НАУКЕ, В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ — ЭТО ИМЕННО СООБЩЕСТВО